

СОВЕТСКАЯ ЛАТВИЯ

О БОНАПАРТЕ... БЕЗ МУНДИРА

Гастроли Куйбышевского академического театра драмы имени М. Горького

...Двигутся, движутся, наступая на маленького, уже почти раздавленного человека, белые столбы-ширмы с ампириными орнаментами. Мечется в ужасе человек. В полетах чащобы белых щитов — страшные видения. Картины утеряннго счастья. Утраченных иллюзий. Призраки несбывшихся надежд.

Беспомощна, ничтожна личность перед натиском грозных сил истории. Такая мысль формируется, когда смотришь предпиловую сцену спектакля «Наполеон Первый» Куйбышевского театра. Безрезультатны стремления, если они ограничены рамками мира подслеповатого обывателя, лишенного масштабного социального и философского зрения. Даже если человек наделен талантом, энергией, он ничтожен, коли не понимает, куда и как движется колесо истории.

Порочность «великих мира сего», рвущихся к власти, готовых ради своего необузданного властолюбия затормозить действие законов общественного развития, — такова, в сущности, доминирующая идея выдающе-

го австрийского драматурга, антифашиста и гуманиста Фердинанда Брукнера. К его произведениям дважды обращаются наши гости. Это — «Елизавета Английская», знакомая рижанам по спектаклю Художественного академического театра имени Я. Райниса с блистательной Вией Артмане в главной роли, и «Наполеон Первый».

Пьесы Брукнера весьма сценичны, богаты острыми и глубокими психологическими характеристиками, мастерски выстроенными, искрометными диалогами. Драммы Брукнера всегда гуманны и всегда активно обличают тиранию, абсолютизм, фашизм. И обращение Куйбышевского театра к этой сложной, но и очень благодарной литературе, свидетельствует о зрелости и мастерстве творческого коллектива, готового решать значительные социально-этические задачи.

Нельзя не подчеркнуть отменный профессионализм, изысканную ансамблевость, присущие нашим гостям. Спектакль, поставленный главным режиссером театра, народным артистом СССР

П. Монастырским, силен, прежде всего, высоким уровнем художественного мастерства артистов. И первое слово тут, конечно, надо сказать о работе О. Свиридова, создавшего центральный образ. Его Наполеон и велик, и жалок, и высокомерен, и беспомощен, он и тиран, и жертва собственного властолюбия.

Артист играет с увлеченностью, которая передается зрителям, завораживает их, превращает в соучастников страстных обличений театра. Вполне достойно партнерствует с таким Наполеоном маршал Бертье (С. Пономарев), олицетворяющий страдания от бессилия своего кумира; дальновидный и коварный Талейран (М. Лазарев).

Несколько слабее в профессиональном отношении выглядят в спектакле женские роли. Уж слишком монотонна в исполнении артистки Ю. Вункерт Жозефина. Лишь одну черточку характера Марии-Луизы воплощает Е. Лазарева, а именно — беспечность. Ее императрица-капризница обывательна, мелковата. А ведь именно она, оказавшись связую-

щим звеном между французами и австрийцами, знаменовала собой трагический перелом в судьбе Наполеона, в судьбе Франции...

В целом спектакль производит впечатление яркого и зрелого художественного произведения. Но вот — тезис для раздумья.

Брукнер не случайно заявил жанр своего «Наполеона»: комедия. Она, конечно, не в нескольких «сочных» словечках, содержащихся в тексте. Она — в трактовке самого образа «непобедимого Бонапарта», грозы и владыки мира, которого драматург спускает с катушек, показывает, так сказать, без мундира, вне звона литавр и восторженных реляций. Писатель как бы препарирует душу своего героя, видя все его слабости. И в пору процветания, и, особенно, в пору упадка Наполеона Брукнер фокусирует наше внимание на бытовых подробностях, на физической и духовной немощи «великого» завоевателя мира. Улыбаясь и, тем не менее, разоблачая человеческие несовершенства, драматург утверждает мысль о

тленности, ущербности, обреченности величия, которое зиждется не на социальной основе, а, так сказать, «на песке». Этаким зарвавшийся авантюрист, попытавшийся покорить мир, но проигравший даже в собственной семье...

Спорной представляется жанровая окраска спектакля, с его отказом от комедийности, от стремительного динамизма сценического действия, от попытки импровизационно расковать труп.

Итак, театр представил нам не комедию увязшего в пороках мелкого человека, вскарабкавшегося на пик славы и выброшенного за ненадобностью за борт исторического корабля. Театр играет трагедию поправного самолюбия, низвергнутого владыки. Что ж, может быть, допустимо и такое решение задачи, поставленной драматургом и делающего его пьесу особенно актуальной сегодня. Ибо горький опыт Наполеона, поправшего лозунги революции, которая вывела его на орбиту славы, узурпировавшего власть, охмелевшего от вседозволенности и себялюбия, а в итоге потерявшего полное крушение, — это напоминает, к чему неизбежно ведут попытки честолюбцев всех эпох повернуть вспять колесницу истории.

О. МАКАРОВА.